

⁴⁸ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

⁴⁹ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 267.

⁵⁰ См.: Катynь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катynи. С. 168–172.

⁵¹ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 446. Л. 318; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 277.

⁵² См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 40, 82, 291.

⁵³ См.: Там же. С. 277–278.

⁴⁸ Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 10. Op. 1. D. 28. L. 10.

⁴⁹ Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 267.

⁵⁰ Sm.: Katyn'. Mart 1940 g. – sentjabr' 2000 g. Rasstrel. Sud'by zhivyh. Jeho Katyni. S. 168–172.

⁵¹ Sm.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 446. L. 318; Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 277.

⁵² Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 40, 82, 291.

⁵³ Sm.: Tam zhe. S. 277–278.

Правовой статус остарбайтеров как следствие реализации политико-экономических интересов руководства Третьего рейха

В.В. ЧЕРНЯВСКИЙ – старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, аспирант кафедры истории Украины Николаевского национального университета им. В.О. Сухолинского

В статье анализируются объективные политические и экономические факторы, которые повлияли на формирование нормативно-правовой базы Третьего рейха, определившей бесправный статус остарбайтеров. Автор абстрагируется от нацистской «расовой теории», принятой в западной историографии как основы дискриминации восточных рабочих в рейхе, и рассматривает это явление как следствие реализации групповых экономических интересов и необходимости сохранения эффективности национал-социалистической пропаганды.

Ключевые слова: принудительный труд; иностранные рабочие; расовая теория; остарбайтеры; идеология Третьего рейха; национал-социалистическая иерархия рабочей силы.

Legal status of OST-arbiters like consequence of the implementation political and economic interests of the leadership of Third Reich

V.V. CHERNIAVSKIY – postgraduate student of Nikolaev National University named after V.O. Suhomlinsky, Senior Researcher of the Nikolaev Regional Museum

This article analyzes the objective political and economic factors that have influenced the development of a regulatory framework Third Reich, which defined the disenfranchised status of ostarbeiters. The author abstracts from the Nazi «racial theory» that is adopted in Western historiography as the basis of discrimination Eastern workers in the Reich, and regards this phenomenon as a result of the group's economic interests and the need to preserve the effectiveness of the national-socialist propaganda.

Key words: forced labor; foreign labor; racial theory; OST-Arbeiters; ideology of Third Reich; National Socialist hierarchy of labor.

Практически бесправный статус остарбайтеров в системе эксплуатации иностранного труда Третьего рейха уже неоднократно становился предметом научных дискуссий. В попытках объяснить подобную дискриминацию большинство исследователей соглашались с мыслью о том, что она основывалась на нацистской «расовой те-

рии» и производной от нее национал-социалистической иерархии системы иностранной рабочей силы. Данная идея впервые была озвучена немецким историком У. Гербертом¹. Впоследствии она получила дальнейшее развитие в трудах его австрийского коллеги П. Ругенталера, который также понимал различия в статусах разных групп

рабочих как результат дифференциации по национальному признаку². На наш взгляд, подобный подход обладает определенной неточностью, связанной с абсолютизацией «расовой теории» как основного фактора, определяющего правовое положение восточных рабочих.

Любой исследователь, который затрагивает проблемы, связанные с идеологией, должен понимать, что идейная доктрина не является самостоятельным явлением. Она служит лишь инструментом выражения и реализации групповых интересов, а также скрывает вызванное ими общественное напряжение. Преувеличение роли идеологического фактора всегда уводит внимание от реально происходящих процессов, которые имели прямое воздействие на исследуемый феномен.

В рамках данной статьи мы максимально абстрагируемся от идеологических и прочих дискурсивных наслоений времен Второй мировой войны и проанализируем правовое положение остарбайтеров на основе факторов, которые имели для руководства Третьего рейха непосредственное практическое значение.

Начало массовой эксплуатации восточных рабочих в конце 1941 – начале 1942 гг. поставило перед фашистской Германией вопрос о необходимости юридической дефиниции их статуса. Однако интеграция советских граждан в систему иностранного труда, которая окончательно сложилась в Германии еще в 1939–1940 гг., так и не состоялась.

Исходя из явного антиславянского содержания «расовой теории», поляки и выходцы из СССР должны были составить единое дискриминируемое сообщество, но из-за ряда существенных отличий их нельзя объединять в одну группу. Во-первых, все поляки в Третьем рейхе юридически считались вольнонаемными, поскольку с каждым из них заключался контракт³. В то время как трудовой статус остарбайтеров вообще не имел правового и документального определения. Работодатель, подавая заявку в «бюро труда», фактически выкупал у государства право использовать рабочих с востока в собственных хозяйственных интересах. Во-вторых, социальная изоляция советских граждан проявлялась в более жесткой форме. Если польские рабочие в определенное время суток могли иметь доступ к различным общественным местам, то остарбайтеры изначально были лишены такой возможности. Кроме этого, политическая элита рейха стремилась достичь

их максимальной изоляции от немецкого населения, а также других иностранцев и военнопленных. Эксплуатация остарбайтеров изначально планировалась только на удаленных объектах горнодобывающей и строительной отраслей, а личные контакты с немецким населением запрещались до апреля 1942 г., в то время как трудоустройство польских граждан в аграрном секторе экономики рейха началось практически сразу после поражения Польши. Не менее интересным является и то обстоятельство, что международные правозащитные и гуманитарные организации игнорировали сам факт существования восточных рабочих.

Целенаправленное вытеснение остарбайтеров за пределы системы иностранной рабочей силы наблюдается и в нормативно-правовой базе, принятой руководством рейха. Первым официальным документом, который определял правовой статус «людей с востока», стала директива Г. Геринга от 07.11.1941 г. В ней все советские граждане обобщались под термином «свободные русские рабочие». Достаточно контрастно по отношению к данной дефиниции выглядел один из основных директивных тезисов, согласно которому использование остарбайтеров и обращение с ними должны быть такими же, как в случае с пленными красноармейцами⁴. Идея преобразования депортированного населения СССР в гражданских военнопленных получила широкую поддержку среди национал-социалистической элиты. Так, Г. Гейдрих 3 декабря 1941 г. на первом заседании департамента по делам иностранцев при РГАС заявил, что завербованные русские рабочие будут принудительно доставляться в Германию и содержаться как гражданские военнопленные⁵.

Следующим официальным государственным документом, регламентирующим положение остарбайтеров, стали «Общие положения по вербовке и использованию рабочей силы из оккупированной территории СССР», которые вступили в действие 20 февраля 1942 г., юридически санкционируя изоляцию восточных рабочих от немецкого гражданского населения, других иностранцев и военнопленных, в связи с чем передвижение советских граждан ограничивалось территорией трудового лагеря и местом работы⁶.

15 марта 1942 г. Министерство продовольствия рейха установило пищевые нормы для восточных рабочих, которые были

полностью идентичны продовольственно-му обеспечению пленных красноармейцев⁷. Похожая ситуация наблюдалась в вопросах оплаты труда и распределения социальных благ. Закон «О налоге на оstarбайтеров» устанавливал максимальный размер заработной платы в 50 марок в месяц. Из этой суммы высчитывался соответствующий налог, а также средства, потраченные на предоставление жилья и питания. В результате реальный еженедельный доход советских граждан составлял весьма символическую сумму в 4,5 рейхсмарки. Социальные гарантии (право на отпуск, страховку, компенсационные выплаты в случае травм или инвалидности) также отсутствовали⁸.

Очевидно, что руководство Третьего рейха через соответствующую законодательную базу преследовало три цели: во-первых, приблизить статус оstarбайтеров к статусу советских военнопленных; во-вторых, добиться их максимальной социальной изоляции; в-третьих, уменьшить затраты на оплату труда и содержание восточных рабочих. Возникает вполне справедливый вопрос: что преследовали немецкие политические и хозяйственные элиты, реализуя подобный курс?

Тезис о приравнивании советских гражданских рабочих к военнопленным очень часто использовался в выступлениях лидеров НСДАП и в официальных государственных документах. Вполне возможно, что такая политика в отношении оstarбайтеров стала продолжением практики вермахта приписывать военнообязанных граждан оккупированных территорий к категории пленных. Однако факт неподписания Советским Союзом Женевской конвенции от 27.07.1929 г. позволяет увидеть в ней иную логику⁹. Германия, которая ратифицировала все положения данного договора, должна была выделить огромные средства для содержания советских военнопленных. Во избежание лишних трат руководство рейха сочло нужным уклониться от своих обязательств, мотивируя это тем, что с точки зрения международного права пленных красноармейцев не существовало юридически.

Отождествляя с ними гражданских рабочих, фашисты вторично прибегли к открытой и грубой подмене понятий, но такой подход позволял избежать правового предъявления оstarбайтеров в системе иностранной рабочей силы. Формально это выталкивало их за ее пределы и превращало в наиболее эксплуатируемую категорию иностранцев, по сути, в промежуточное звено между ра-

бочими и военнопленными. Де-факто советские гражданские лица и пленные красноармейцы не объединялись в рамках одной группы, за ними лишь закреплялись определенные статусные особенности, но именно они номинально санкционировали преодоление существующих правовых ограничений, а именно упразднили необходимость подписания трудового контракта, тем самым сделав возможным реализацию остальных целей и задач.

Руководство НСДАП неоднократно мотивировало необходимость социальной изоляции оstarбайтеров тем, что они, будучи носителями большевистской идеологии, враждебно относились к Германии и всему европейскому. В этом отношении уместен следующий вопрос: всерьез ли рассматривался восточный рабочий как потенциальный источник антифашистской агитации? В принципе такое опасение могло быть оправданным в том случае, если военная разведка СССР могла внедрять в контингенты депортируемой в рейх рабочей силы достаточное количество специально обученной агентуры. Очевидно, что подобная практика была малоэффективной и трудноосуществимой.

Немецким идеологам приходилось решать достаточно сложные задачи. Война против СССР требовала формирования среди населения Германии соответствующего образа врага, поэтому пропаганда рейха через средства массовой информации навязывала простым немецким гражданам представление о советских людях как полудиких варварах-азиатах, враждебно настроенных против всего европейского. Также для обоснования нападения на Советский Союз активно распространялась идея об оборонительном характере войны, которая должна была защитить Европу от большевизма. Фактически вокруг этих двух сюжетов и происходила эскалация общественной агрессии, кумулированной против враждебной общности. В связи с этим следует вспомнить мысль классика этологии К. Лоренца, который отмечал, что для поддержания агрессивных настроений идеологу крайне важно выдерживать дистанцию между собственным социумом и объектом агрессии¹⁰. В связи с этим социальная изоляция восточных рабочих была необходимой для успешной работы пропаганды, поскольку тесные личные контакты наглядно доказывали несоответствие навязанного образа объективной действительности.

Несмотря на все усилия руководства рейха, абсолютная изоляция оstarбайтеров

оказалась утопией. Уже весной 1942 г. оно было вынуждено разрешить их трудоиспользование в сельском хозяйстве. Ситуация, которая складывалась на заводах и фабриках, требовала все большей интеграции восточных рабочих в производственные процессы, а это неизбежно увеличивало число личных контактов, что оказало разрушительное воздействие на весь комплекс национал-социалистической пропаганды. В докладе «СД» от 15.04.1943 г. отмечалось, что население Германии уже не воспринимает образ примитивного, полуграмотного и аморального советского человека¹¹.

На протяжении всего своего пребывания в рейхе оstarбайтеры всегда оставались источником сверхприбыли, которая достигалась за счет экономии средств на заработных платах и содержании. Данная ситуация, на наш взгляд, была производной от фашистской идеологии, под действием которой происходило фактическое слияние политических и промышленных элит. В результате этого потребность в рабочей силе, с одной стороны, отражала государственный интерес, который заключался в необходимости обеспечения фронта, с другой – стремление крупного капитала к получению дополнительных доходов. Очевидно, что все вышесказанное повлияло на бесправный статус восточных рабочих в 1942–1943 гг. Если рассмотреть суммарный доход, полученный промышленностью рейха посредством эксплуатации дешевого труда советских граждан, очевидным становится то, что частный капитал имел большую выгоду от данной практики. На его долю приходился 31,3% (659,334 млн рейхсмарок) от общей прибыли, полученной в период между 1942–1945 гг. (2207,688 млн рейхсмарок), в то время как показатель государственных заводов и фабрик едва ли достигал 13,4% (282,572 млн рейхсмарок)¹². Не менее важным источником накопления капитала была экономия на содержании оstarбайтеров. Как мы уже отмечали, официально государство устанавливало для восточных рабочих минимальные продовольственные нормы, которые не были сопряжены с существенными расходами, способными хоть как-то повлиять на экономику Германии. Тем не менее даже этот минимум выдавался крайне редко. Наше исследование опросных анкет и протоколов допроса, фильтрационных дел показало, что бывшие восточные рабочие ежедневно недополучали хлеба по 160–185 г от официальной нормы. Естественно, что сэкономленные средства приумножали

благополучие работодателей. В этом отношении показательным является опыт концерна «Крупа», который ежедневно получал 30–50 тыс. рейхсмарок сверхприбыли только за счет удержания средств на питание советских граждан¹³. Подобное накопление капитала было возможным только в случае сохранения бесправного статуса оstarбайтеров и нераспространения на них немецкого трудового законодательства, в поле действия которого находились другие иностранные рабочие. Все это в совокупности делало труд советских граждан экстенсивным. Нерациональность их трудоиспользования понимало руководство вермахта, которое неоднократно предлагало ограничить жестокое обращение и рационализировать саму эксплуатацию посредством материального стимулирования. Тем не менее правовой статус восточных рабочих сохранялся вплоть до ноября 1943 г., когда в связи с поражениями на восточном фронте Германия утратила возможность компенсировать существующий дефицит за счет оккупированных территорий СССР.

Дискриминация восточных рабочих была следствием создания специфического правового статуса на основе ряда официальных документов и законодательных актов, принятых руководством Третьего рейха в конце 1941 – начале 1942 гг. Во многом они отражали необходимость поддержания и сохранения существующего идеологического курса, в связи с чем требовалась изоляция советских граждан. Помимо этого, эксплуатация массового, почти бесплатного труда миллионов оstarбайтеров открывала перед промышленными и политическими элитами рейха дополнительные возможности для накопления капитала, что само собой требовало уклонения от интеграции оstarбайтеров в систему иностранного труда. Вышеперечисленные цели достигались за счет формального отождествления восточных рабочих с советскими военнопленными, которые в связи с тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, не попадали под ее действие и были полностью бесправны. Данная ситуация интересна тем, что демонстрирует взаимодействие государственной правовой практики с идеологией, отражающей непосредственные групповые интересы. В этом ключе сама формулировка «гражданские военнопленные», которая часто использовалась в официальных документах, с самого начала являлась идеологемой, направленной на преодоление существующих правовых ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Herbert U. Hitler's foreign workers: enforced foreign labor in Germany under the Third Reich. Cambridge, 1997. P. 95.

² См.: Ругенталер П. NS-иерархия иностранной рабочей силы на расовой основе // Принудительный труд белорусского населения в Австрии: документы и материалы. Грац-Минск, 2003. С. 27–45.

³ Там же. С. 35.

⁴ Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию: Документы и материалы. Т. 1. Минск, 1996. Кн. 1. С. 37.

⁵ Пастушенко Т.В. Оstarбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). Киев, 2009. С. 96.

⁶ Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию: Документы и материалы. С. 54.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Пастушенко Т.В. Оstarбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). С. 99.

⁹ Кузьминых А. Особенности правового положения военнопленных в СССР в годы Второй мировой войны // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. Киев, 2009. Вип. 12. С. 267.

¹⁰ См.: Лоренц К. Агрессия: так называемое «зло». СПб., 2001. С. 290.

¹¹ См.: Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 238, 239.

¹² См.: Дубик М.Г. Прибутки одержані іноземним промисловим капіталом від використання примусової праці українців // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Киев, 2003. Вип. 7. С. 216.

¹³ См.: Андриянов В. Архипелаг OST. М., 2005. С. 61.

¹ Sm.: Herbert U. Hitler's foreign workers: enforced foreign labor in Germany under the Third Reich. Cambridge, 1997. P. 95.

² Sm.: Rugentaler P. NS-ierarhija inostranoj rabochej sily na rasovoj osnove // Prinuditel'nyj trud belorusskogo naselenija v Avstrii: dokumenty i materialy. Grac-Minsk, 2003. S. 27–45.

³ Tam zhe. S. 35.

⁴ Belorusskie ostarbajtery: ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju: Dokumenty i materialy. T. 1. Minsk, 1996. Kn. 1. S. 37.

⁵ Pastushenko T.V. Ostarbajteri z Kiivshhini: verbuvannja, primusova pracja, repatriacija (1942–1953). Kiev, 2009. S. 96.

⁶ Belorusskie ostarbajtery: ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju: Dokumenty i materialy. S. 54.

⁷ Tam zhe. S. 61.

⁸ Pastushenko T.V. Ostarbajteri z Kiivshhini: verbuvannja, primusova pracja, repatriacija (1942–1953). S. 99.

⁹ Kuz'minyh A. Osobennosti pravovogo polozhenija voennoplennyh v SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny // Storinki voennoi istorii Ukraini: Zb. nauk. statej. Kiev, 2009. Vip. 12. S. 267.

¹⁰ Sm.: Lorenc K. Agressija: tak nazyvaemoe «zlo». SPb., 2001. S. 290.

¹¹ Sm.: Semirjaga M.I. Tjurenaja imperija nacizma i ee krah. M., 1991. S. 238, 239.

¹² Sm.: Dubik M.G. Pributki oderzhani inozemnim promislivim kapitalom vid vikoristannja primusovoi praci ukrainciv // Storinki voennoi istorii Ukraini: Zb. nauk. st. Kiev, 2003. Vip. 7. S. 216.

¹³ Sm.: Andrijanov V. Arhipelag OST. M., 2005. S. 61.